

В. М. РОЗИН

«Я ЛИЧНО ВЫСТРАИВАЮ СВОЮ ЖИЗНЬ СОЗНАТЕЛЬНО...»¹

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-233-258

Смирнов С. А.: Итак, Вадим Маркович, начнём. Отношение философов к жанру философской автобиографии сложное. Кого я ни спрашиваю – либо меня посылают, либо говорят: «Что тут рыться в грязном белье? Я тут начну оценивать всех. Кому это надо? И вообще, это так – на десерт. Главное – мысли, а они – в сочинениях. Зачем?». Это один вариант.

Другой вариант, другая крайность: «Да нет. Вообще-то говоря, это настолько актуально и важно. Потому что на самом деле наш брат писать-то их и не умеет, эти философские автобиографии. Поэтому их крайне мало». Например, когда Мамардашвили прочитал «Самопознание» Бердяева, он сказал: «Ну, какое это самопознание? Самохарактеристика». Человек ведь всегда испытывает искушение: когда про себя рассказывает, он начинает, разумеется, себя маленько подправлять (причём в лучшую сторону). Итак, как Вы относитесь к жанру философских автобиографий? И начали ли Вы писать свою?

Розин В. М.: Я бы, во-первых, не согласился с Мамардашвили насчёт Бердяева. Я в своё время с большим интересом прочёл её.

Смирнов С. А.: Всё-таки откровенный текст? Он впечатляет?

Розин В. М.: Да. На меня он определенно оказал влияние.

Смирнов С. А.: Причём оно было опубликовано в начале 1990-х, когда всё только открывалось.

Розин В. М.: У меня другое ощущение. Конечно, это дело непростое – философская автобиография. И тут надо различать, мне кажется, два плана, по меньшей мере. Первый – когда такую философскую автобиографию пишет сам автор про себя. Это одно дело. И другое дело – когда, после того, как он ушёл из жизни, начинается исследование его жизни, обстоятельств, влияний и так далее. И я бы эти вещи разделил.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Теперь по поводу себя. На самом деле, вариант такой философской биографии у меня есть, но в форме романа.

Смирнов С. А.: Как роман?

Розин В. М.: Да. Это две вещи. Они опубликованы в издательстве URSS, потом были переизданы. И там какими-то штрихами линии автобиографии намечены, безусловно. Но это написано в форме всё-таки не автобиографии. Это надо иметь в виду.

Смирнов С. А.: Всё-таки это художественный роман.

Розин В. М.: Не совсем. Это новый жанр. Как «Маятник Фуко».

Смирнов С. А.: Интеллектуальный роман?

Розин В. М.: Да. Там есть соединение серьёзных задач и художественной формы.

¹ Разговор состоялся 19 июля 2019 г. в Институте философии РАН. Интервью проведено в рамках гранта РФФИ № 19-011-00124 «Философская автобиография как метод антропологической навигации»

Смирнов С. А.: Но это было сделано специально, потому что напрямую, в лоб не хотелось?

Розин В. М.: Да, это было сделано специально. Плюс ещё, например, уже во второй части, которая называется «Проникновение в мышление», я уже там частично решал педагогические задачи. Потому что оказалось, что этот материал очень хорошо ложится в план философского образования. У меня студенты писали по этому роману творческие тексты.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Да. Поэтому прямо назвать это философской автобиографией трудно. И, в то же время, какой-то материал там есть. Еще я хочу сказать, что сейчас, вообще, видно, есть интерес к таким темам. Наш замдиректора ИФ РАН по науке Синеокая Юлия Вадимовна предложила целому ряду лиц (в том числе, и мне) написать тексты. Она будет делать сборник по поводу того, как мы приходили к философии и что мы понимаем под философией.

Смирнов С. А.: А-а. Это она уже предложила?

Розин В. М.: Да-да-да. Я так понимаю, она будет собирать материал осенью, к концу года. И это очень интересно.

Смирнов С. А.: Конечно.

Розин В. М.: Симптоматично.

Смирнов С. А.: Надо с ней пообщаться по этому поводу.

Розин В. М.: Да-да-да, ты с ней пообщайся. Тем более, она человек...

Смирнов С. А.: Контактный, хороший, да.

Розин В. М.: Да, контактный. Поэтому мне показалось очень симптоматично, когда ты предложил эту тему. Потому что это будет работать и на эту задачу.

Смирнов С. А.: Конечно, конечно. Да, очень хорошо. Это радует.

Розин В. М.: Вот мой ответ такой.

Смирнов С. А.: Так. А с другой стороны, у Вас же была уже целая серия текстов по истории ММК.

Розин В. М.: Это точно.

Смирнов С. А.: Это, так сказать, отдельная линия жизни. Может быть, даже магистральная, не знаю. И в этой связи всё-таки вопрос – с какого момента (теперь вернёмся к теме совсем конкретно), с какого ключевого эпизода Вы бы выбрали в Вашей биографии своё начало? С какого эпизода Вы ощущаете себя, если не философом, то начинающим какой-то опыт философствования?

Розин В. М.: Надо сказать, что здесь тоже ответ непростой. Почему? Потому что, конечно, было судьбоносное событие – это встреча с Георгием Петровичем.

Смирнов С. А.: А когда это произошло?

Розин В. М.: Это произошло в самом конце 1959 года.

Смирнов С. А.: 1959-й.

Розин В. М.: Да. 1959-й, начало 1960-го. Это произошло в этот период. Но я хочу уточнить, что я себя сам осознавал философом не сразу. У меня были здесь периоды. Первоначальное самосознание у меня было, конечно, сформировано под влиянием Щедровицкого, и не как философа, а как методолога.

Смирнов С. А.: Вот. И это отдельная проблема. Кто Вы больше: методолог или философ?

Розин В. М.: Подожди. Это потом.

Смирнов С. А.: Это потом, да.

Розин В. М.: Но вначале, если говорить о первой половине 1960-х, когда шло моё становление, то это, конечно, самосознание себя как методолога, прежде всего. Потому что в рамках ММК дискутировалось отношение методологии к философии, отчасти третировалась традиционная философия, и Георгий Петрович и его сотоварищи считали, что методология – это более развитая форма мышления, и она приведёт к кардинальной трансформации не только философии, но и науки.

Смирнов С. А.: Да, и вообще наука для него умирала.

Розин В. М.: Да. Но когда я уже в первой половине 1970-х годов решил идти собственным путём, мы разошелся с ним...

Смирнов С. А.: Уже в 1960-х?

Розин В. М.: Нет, в первой половине 1970-х.

Смирнов С. А.: 1970-х. То есть 1960-е были под его крылом. Было такое становление.

Розин В. М.: Становление моё происходило первую половину 1960-х: примерно 1963-1965 годы. До этого, можно сказать, было такое ученичество. А уже в середине 1960-х я работал достаточно самостоятельно.

Смирнов С. А.: Это же Вы уже закончили институт, защитились?

Розин В. М.: Нет, еще не защитился.

Смирнов С. А.: Вы были аспирант?

Розин В. М.: Да, аспирант уже был.

Смирнов С. А.: А как произошло, как случилась встреча? Он куда-то пришёл, Вы куда-то пришли, семинар какой-то был?

Розин В. М.: А, ты спрашиваешь, как я, вообще, познакомился?

Смирнов С. А.: С Георгием Петровичем, да.

Розин В. М.: Это было очень просто. Я тогда поступил в пединститут имени Потемкина, был такой.

Смирнов С. А.: Потемкинский был.

Розин В. М.: Да. Он готовил педагогов для вузов, а не для школы.

Смирнов С. А.: Он один. Это же не Ленинский педагогический, это другой?

Розин В. М.: Это был другой. Имени Потемкина. На Давыдовском переулке находился. И там была очень сильная математика и физика, да и электротехника. По сути, там давали образование типа как в МГУ, на таком уровне. И на первом курсе я ходил в лабораторию кристаллов, выращивал кристаллы. Это такая скучная вещь, а меня уже давно тянуло к какой-то теории. И когда я поехал на картошку, мне сказали: «Тут был очень интересный человек – Щедровицкий, оставил телефон». Я взял телефон, позвонил. Это как раз конец 1950-х был.

Смирнов С. А.: Интересно.

Розин В. М.: Позвонил, и мне Георгий Петрович (Юра ещё тогда) сказал: «Мне тоже нужны люди».

Смирнов С. А.: А, он просто ходил и искал себе молодежь?

Розин В. М.: Да. Он искал, и я искал чего-то такого. И мы договорились, что при этом самом пединституте будет создан кружок по философии физики. Я буду старостой, он будет руководителем. Нужно было получить крышу. Дал нам добро, крышей прикрыл, Готт, такой был философ известный².

² Готт Владимир Спиридонович (1912 – 1991 г.г.) – философ, специалист по философским вопросам физики, онтологии и теории познания, главный редактор журнала «Философские науки» (1970 – 1991).

Смирнов С. А.: Готт, через «т», по-моему. Да? Готт.

Розин В. М.: Готт, да. А я собрал людей и привёл их. И вначале я каждый год буквально собирал человек 20 студентов, не меньше. А потом они все рассасывались и оставались три-четыре человека.

Смирнов С. А.: А кто-то из этого кружка остался потом в методологии, кроме Вас?

Розин В. М.: Кроме меня? Ну, пожалуй, косвенно только один-два человека.

Смирнов С. А.: Косвенно. То есть фактически Вы один?

Розин В. М.: Да и моя первая жена, Москаева Алина. А Юра привёл своих, привёл Бориса Сазонова, Володю Костеловского и ещё несколько человек. И с самого начала началось исследование, вот, что важно. Мы начали обсуждать происхождение чисел в математике. С самого начала я был вовлечён в исследовательскую работу. И буквально через несколько месяцев он меня пригласил на свой семинар домой, где он жил, на станции метро «Сокол». И, очевидно, он тогда меня принимал как верного ученика, ставил на меня, наверное.

Смирнов С. А.: Как такой ландскнехт...

Розин В. М.: Да. Первые лет пять он все мои работы читал, показывал, учил.

Смирнов С. А.: И там и рождались все эти работы 1960-х годов, знаменитые...

Розин В. М.: Так вот, возвращаясь к тому вопросу, который ты задал. Когда я в первой половине 1970-х уже разошёлся с ним и пошёл своим путем, то я работал сначала в ЦНИИЭП зрелищных зданий с Сазоновым. Это был сектор социально-экономических обоснований. Первый такой сектор в сфере проектирования. Я там заведовал потом сектором. А потом следующий этап – я перешёл в Российский институт культуры, которым тогда Кирилл Разлогов заведовал. И я постепенно стал всё больше и больше двигаться к философии. Моё осознание себя как философа, я думаю, относится к середине 1990-х годов.

Смирнов С. А.: Это был серьезный период такого созревания и осознания себя...

Розин В. М.: Да. То есть у меня сначала было осознание себя как методолога. А потом – осознание себя философом, уже в середине 1990-х. Но я с самого начала себя осознавал как философа с методологической ориентацией, философ-методолог. И, наверное, примерно в это же время я стал ещё осознавать себя, что я философ-методолог-исследователь. У меня была сформирована сильная исследовательская ориентация. Таким образом, когда я в политике говорил, кто я, то говорил: философ, методолог и учёный. И мог указать на целый ряд своих исследований, чисто научных. Хотя они сделаны, конечно, в рамках методологии.

Смирнов С. А.: Но на «Соколе» были многие. Появился И. С. Ладенко³ потом, да?

Розин В. М.: Да. Не потом, а сразу.

Смирнов С. А.: Сразу же. Правильно?

Розин В. М.: Да. Когда я пришёл туда...

³ Ладенко Иосаф Семёнович (1933 – 1996 г. г.) – отечественный логик, методолог, философ. Разработал авторскую концепцию интеллектуальных систем (интеллектику). С 1968 года до конца жизни жил и работал в Новосибирском Академгородке. Первый провел Чтения памяти Г. П. Щедровицкого. См.: Интеллектуальные торпеды. Материалы научной конференции памяти Г. П. Щедровицкого «Георгиевские чтения» 21-22 февраля 1995. Новосибирск, 1996.

Смирнов С. А.: Вы же одного поколения. Да?

Розин В. М.: Нет. Он чуть постарше.

Смирнов С. А.: Он чуть постарше.

Розин В. М.: Да, чуть постарше.

Смирнов С. А.: Но он-то МГУ-шный.

Розин В. М.: Когда я пришёл, там была довольно сильная группа собрана.

Смирнов С. А.: А кого Вы застали?

Розин В. М.: Ладенко, Никиту Глебовича Алексеева⁴, Игоря Алексеева⁵, Владимира Лефевра.

Смирнов С. А.: А Генисаретский⁶?

Розин В. М.: Генисаретский пришёл позже. Года на три позже меня. Когда я пришел, его ещё не было. Но там уже был В. А. Лефевр⁷, естественно. Лефевр был его учеником, в общем. Там уже была сильная команда. И когда я пришёл, там уже даже сложились некоторые формы работы. Разбор какой-то темы, работа по теме.

Смирнов С. А.: А как вы работали в кружке? Вот берётся проблема, тема, текст какого-нибудь античного грека, Аристарх Самосский, например, или ещё кто-нибудь? Из чего исходили? Формировалась ли как-то программа кружка?

Розин В. М.: Программу кружка, конечно, формировал Щедровицкий.

Смирнов С. А.: Он из чего-то исходил? Он как-то объяснял: «Ребята, занимаемся тем-то, так-то, потому-то...»?

Розин В. М.: Нет. Каждый год, как правило, он начинал с доклада, где подводил итог предыдущего развития. И всегда это представлял так, что это как бы следующий шаг. Хотя на самом деле это было, конечно, не совсем так. Но у него была такая линия. Он давал реконструкцию предыдущего этапа, которая подводила к следующему этапу. Хотя на самом деле тут были кардинальные изменения. Это первое. Но, в принципе, эта программа развивалась внутренне достаточно логично, исходя из идеи, согласно которой предметом содержательной логики является мышление. И это мышление должно исследоваться историческими методами. Тут, конечно, использовался марксизм с его реконструкцией «Капитала» историческими методами. И это должна быть всё-таки достаточно строгая сциентистская вещь, то есть научная, строился строго научный дискурс. А с другой стороны, в силу того, что ядро семинара вышло из факультета философии, у его участников были хорошие знания истории философии. Поэтому, я бы сказал, философский дискурс доминировал, с его внутренней критикой и так далее. Вот это было, безусловно. Ну, тут и Зиновьев, конечно, оказал влияние.

Смирнов С. А.: Но Александр Александрович на кружок-то не ходил.

⁴ Алексеев Никита Глебович (1932 – 2003 г.г.) – отечественный методолог, философ, психолог

⁵ Алексеев Игорь Серафимович (1935 – 1988 г.г.) – отечественный философ и историк науки, специалист по историко-методологическим проблемам физики XX в.

⁶ Генисаретский Олег Игоревич (род. в 1942 г.) – отечественный философ, методолог, культуролог, искусствовед, специалист по теории дизайна

⁷ Лефевр Владимир Александрович (род. в 1936 г.) – советский и американский психолог, математик, создатель теории рефлексивных игр и термодинамической модели рефлексии, концепций рефлексивная система, рефлексивное управление, рефлексивные игры; первый, кто сделал изучение рефлексии научно-методологическим предметом.

Розин В. М.: Нет, нет.

Смирнов С. А.: Они уже разошлись.

Розин В. М.: Разошлись.

Смирнов С. А.: Они ещё в МГУ разошлись.

Розин В. М.: Да. Они уже не разговаривали.

Смирнов С. А.: Ну, равно как и Ильенков шёл отдельно.

Розин В. М.: А Ильенков вообще никогда. Исходный семинар был – это Мамардашвили, Щедровицкий, Зиновьев и, кажется, Борис Грушин.

Смирнов С. А.: Исходный-то да. Но они же разошлись ещё тогда, в МГУ.

Розин В. М.: Да. Они в конце 1950-х разошлись, во время и после знаменитой защиты Зиновьева. И была вот эта идея, что необходимо попытаться реконструировать историческое мышление, создав такой язык из клеточки, выявив мышление. И ещё там был целый ряд идей, но под влиянием, очевидно, психологии, которая тоже тогда развивалась. Ведь его поддержал Шеварёв⁸, а он был член-корреспондент по отделению психологии. И Щедровицкий с Вадимом Садовским делали доклады в Институте психологии. Так вот, например, одна из идей, которая нас очень сильно сдвинула, – это была идея представить мышление как процесс. Понятно, что это всё понималось в марксистской парадигме.

Смирнов С. А.: В логике естественных наук, как процесс...

Розин В. М.: Как сборный процесс.

Смирнов С. А.: Пока ещё без всякой мыследеятельности. Правильно?

Розин В. М.: Да. И был развёрнут такой семинар, где они пытались представить мышление как процесс. В общем, вот из этого семинара стало ясно, что мышление не является процессом. То есть там есть процессуальные моменты. Но всё-таки...

Смирнов С. А.: Но все-таки ближе к действию, к акту?

Розин В. М.: Они перешли к выяснению механизмов мышления. Это был первый сдвиг.

Смирнов С. А.: А вот эти работы ранние – «Структура акта мышления» В. В. Давыдова – это связано с этим или это отдельно?

Розин В. М.: Нет, это отдельно.

Смирнов С. А.: А Василий Васильевич ходил уже на этот семинар или он потом появился?

Розин В. М.: Он всегда ходил. Поскольку они дружили, Щедровицкий и Давыдов. Но всё же Давыдов не был кружковцем. Но он заходил. Иногда выступал. Но это было по касательной, из-за того, что они просто были друзья, а Давыдов считал Щедровицкого гением. Он всегда мне говорил: «Он же гений». И отсюда началось исследование мышления и переход к теории деятельности. Но, на мой взгляд, переход к теории деятельности был ещё обусловлен внешней ситуацией. Интерсубъективной. В каком смысле? В том смысле, что методологи пошли в народ, к предметникам. Они пошли менять мышление специалистам-предметникам.

Смирнов С. А.: Педагоги, психологи, ученые, дизайнеры...

⁸ Шеварёв Пётр Алексеевич (1892 – 1972 г.г.) – отечественный психолог, заместитель Института психологии АПН СССР. Поддерживал и курировал создание Комиссии по психологии мышления и логике (с 1968 г.), выступившей основной семинарской площадкой для работы ММК.

Розин В. М.: Да. И это кардинально поменяло позицию, принципиально: от исследования к нормированию и проектированию. И ещё они же пошли работать в институт – во ВНИИТЭ, в научно-исследовательский институт технической эстетики.

Смирнов С. А.: Работы по методологии дизайна пошли. Там по касательной В. Л. Глазычев⁹ появился, по-моему.

Розин В. М.: Да, Глазычев, Кантор¹⁰, Генисаретский. Тем не менее, этот переход от первой программы исследования мышления как исторического образования к построению теории деятельности, был обусловлен вот этими проблемами исследования мышления. Оказалось, что это не процесс всё-таки, а какое-то более сложное структурное образование. Происходит смена позиции, внешней социальной позиции. А третий переход – уже к мыследеятельности, он был связан именно с критикой самой теории деятельности, с невозможностью построить теорию деятельности как замкнутой теории, на базе закрытого языка. Тут уже сыграли роль эти семинары, игры, внутренняя критика...

Смирнов С. А.: Но Вы туда не пошли уже. Вы в игры не пошли.

Розин В. М.: Я уже ушёл к этому времени. Но так как я пересекался со Щедровицким на разных семинарах, я всё время с ним полемизировал.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И тоже участвовал в этой критике.

Смирнов С. А.: А где же образовалась точка разрыва? Когда Вы поняли, что у Вас свой путь должен быть?

Розин В. М.: Это началось со второй половины ещё 1960-х. Почему? Здесь два основных момента. Начиная где-то с середины 1960-х у Щедровицкого уже не хватало времени все мои работы читать и осуществлять плотное руководство. А я уже встал на ноги и работал самостоятельно. Это была одна причина.

А вторая причина состояла в том, что я стал уходить в психологию и культурологию. Меня пригласили музыковеды как методолога помочь им. Миша Папуш, у него был семинар домашний. И я начал погружаться в музыковедение, то есть в гуманитарную сферу. Потом я с психологами стал общаться, обсуждать их идеи, например, Фрейда, его концепцию, и так далее. Я стал уходить в психологию и гуманитарные науки.

Смирнов С. А.: Не становясь при этом психологом, музыковедом. Вы же были методологом.

Розин В. М.: Нет, оставаясь методологом.

Смирнов С. А.: И плюс, философом этой предметной области.

Розин В. М.: Да, это меня подтолкнуло к продумыванию тех принципов, которые Георгий Петрович мне дал. Я понял, что естественнонаучный, сциентистский подход, хотя он тогда так не назывался, меня не устраивает. В общем, для Щедровицкого идеалом науки было, конечно, естествознание. А для меня этот подход перестал быть идеалом науки. Я понял, что, помимо естествознания, есть гуманитарная наука, и есть поле других интересов, кроме тех, кото-

⁹ Глазычев Вячеслав Леонидович (1940 – 2012 г. г.) – крупнейший специалист по урбанистике и архитектурному наследию, искусствовед, философ, общественный деятель, переводчик, публицист.

¹⁰ Кантор Карл Моисеевич (1922 – 2008 г.г.) – отечественный философ и искусствовед. Теоретик искусства и один из основоположников технической эстетики и теории дизайна в СССР.

рые связаны с проблематикой в рамках программы Щедровицкого. И последней, что подтолкнуло меня, – это то, что вся его первая большая, хорошая команда разошлась. Причём она расходилась часто со скандалом.

Смирнов С. А.: Сугубо коммунально.

Розин В. М.: Да. Это коммунальные вещи.

Смирнов С. А.: Это были даже не идейные разборки, а чисто аффективные, на эмоциях...

Розин В. М.: Просто он не терпел, когда люди шли своим путем.

Смирнов С. А.: Лефевр так же ушёл.

Розин В. М.: Да, после Ладенко, один из первых. Когда люди начинали двигаться самостоятельно, Щедровицкий этого не понимал и начинал на них наезжать.

Смирнов С. А.: Вёл себя как Фрейд со своими учениками.

Розин В. М.: Да, и климат уже этический поменялся на семинаре. Щедровицкий уже был на голову выше тех новых участников, которых он набрал.

Смирнов С. А.: Те, которые ему в рот смотрели.

Розин В. М.: В общем, меня это уже перестало устраивать. И я, кстати, без всякого скандала спокойно вызвал его на разговор, сказал, что я с себя слагаю обязательства по перепечатке материалов.

Смирнов С. А.: Вы за перепечатку ещё отвечали?

Розин В. М.: Конечно. Там была и организационная работа.

Смирнов С. А.: Да, большая. Ведь ещё и записи велись. Правильно?

Розин В. М.: Он, конечно, тут же сказал, что я больше мыслить не буду.

Смирнов С. А.: Понятно. Ты уходишь от меня – значит, мыслить не будешь.

Розин В. М.: Да. Он мне сказал, что я мыслить не буду, что на меня плохое влияние оказала моя супруга Алина Семёновна Москаева¹¹.

Смирнов С. А.: Да, Москаева. Известный соавтор тех первых работ.

Розин В. М.: Да. В общем, мы разошлись. Но надо отдать должное, тем не менее, мы с ним нормальные человеческие отношения сохранили. Мы общались. И хотя, когда мы пересекались, то, как правило, сцеплялись и у нас начиналась полемика, довольно часто жёсткая. Но, тем не менее, когда он просил, например, оказать ему какую-то помощь, я всегда подчеркивал, что он мой учитель, помогал ему.

Смирнов С. А.: Учитель – это святое, да.

Розин В. М.: Да. И когда, например, уже года за три-четыре до смерти, в Обнинске Щедровицкий организовал большую конференцию, у него там были последователи, он попросил меня сделать головной доклад, и я, естественно, его сделал.

Смирнов С. А.: И что, он Вам не сказал, что мыслить Вы перестали, Вадим Маркович?

Розин В. М.: Нет-нет.

Смирнов С. А.: Так. Всё-таки, знаете, как странно? Несмотря на то, что он как раз (кстати, в Ваших текстах это есть) ратовал за то, что наука умирает, и в этом смысле, по идее, должен уходить на второй план и естественнонауч-

¹¹ Москаева Алина Семеновна (1941 – 2012 г. г.), активная участница ММК. Автор ряда работ по истории математики. В конце 60-х вышла из ММК. Постепенно ушла в религию и эзотерику.

ный подход как доминирующий. Но при этом он всё равно оставался фактически сторонником этого подхода, когда вводил мыследеятельность фактически как субстанцию, описывая её объектным образом. Нет?

Розин В. М.: Отчасти – да, отчасти – и нет. Потому что Георгий Петрович был сложной фигурой, я бы так сказал.

Смирнов С. А.: Конечно. Живой человек.

Розин В. М.: В нём было много чего намешано. В частности, я бы так сказал, что, с одной стороны, он и осознавал это, заявлял, что действительно он сциентист, причём идеалом для него, конечно, выступало естествознание. Для него, конечно, гуманитарная наука, социальная наука – это всё так были не науки.

Смирнов С. А.: Это крайне противоречит методологии.

Розин В. М.: А с другой стороны, при этом одновременно он всё-таки всегда оставался философом. Он всегда оставался методологом. И в этом смысле его дискурс был сложный. И нельзя сказать, что он сваливался в чистую науку. Никогда этого не было

Смирнов С. А.: Но в этом смысле он фактически строил новый дискурс, которого в мире никогда не было.

Розин В. М.: Да, это был новый дискурс. Он был, конечно, основан на естественнонаучном подходе, но не меньше он был основан на, я бы сказал, классических марксистских и других вариантах философии, кантианских, марксистских. На него, конечно, Кант оказал в своё время влияние, неокантианство, марксизм, безусловно. И эти вещи все у него работали, они были не пустыми.

Смирнов С. А.: Это же шло параллельно западной логике мысли. Ведь отечественные методологи и философы вынуждены были сочинять в ситуации «железного занавеса» некую свою «самопальную» философию. Нет? Это ситуация вынуждала это делать, сочинять фактически в ситуации почти изоляции?

Розин В. М.: Да. Но все-таки это был уже период, когда начали переводить разные работы.

Смирнов С. А.: Всё-таки пошли первые публикации.

Розин В. М.: Да, пошли переводы.

Смирнов С. А.: Для служебного пользования. ДСП разные, можно было и получить доступ.

Розин В. М.: Тем более, он немецкий знал.

Смирнов С. А.: Да, да. То есть можно было...

Розин В. М.: Нет, нельзя сказать, что был закрытый занавес, его уже не было.

Смирнов С. А.: Про «самопал» нельзя сказать.

Розин В. М.: Нет. Уже такой изоляции не было.

Смирнов С. А.: Хорошо. Итак, Вы пошли своим путём. И здесь какая-то идёт же ориентация. Вы же почему-то пошли тем путем, каким пошли. И этот путь обусловлен не предметными областями, а какими-то доминирующими интересами у Вас как философа? Мы ведь речь ведём о философской автобиографии. Какие тогда содержательные события Вы могли бы назвать, которые формируют Вас как философа? Книг у Вас много. Это же не значит, что ориентиры были просто в предметной области. Ориентирами были, наверное, какие-то принципиальные проблемы, личностно для Вас важные? Как философу важные. Или как? Вы как ориентировались?

Я к тому, что чтобы не впадать в личную жизнь. Дело же не в частной жизни. Хотя это тоже момент такой, известный. М. Хайдеггер, например, не любил

ссылаться на биографии. Он вообще говорил: Аристотель, философ, жил тогда-то, умер тогда-то. А теперь переходим к его «Метафизике». Для него биография философа просто отсутствовала. Но что значит «отсутствовала»? Сочинения всё-таки Аристотель писал, какие-то события происходили, переживались моменты творения, рождения текста. Это же понятно. И в этом смысле тогда и формируются философские события в жизни философа. Это можно как-то выделить или шло как шло?

Розин В. М.: Ты знаешь, когда ты говоришь «философские события», это не очень понятно. В каком смысле?

Смирнов С. А.: В том смысле, что одно дело – женился, родился, крестился, развёлся, другое дело... Философское событие – это же не просто написание текста. Это рождение мысли, в результате чего потом уже появляются какие-то тексты, о ценности которых, вообще-то, судят уже потомки.

Розин В. М.: Я думаю так. Сейчас я попытаюсь ответить. Во-первых, я бы сказал так, что у меня всегда был интерес большой к людям. Раз. И, во-вторых, меня всегда интересовало то, как этот мир устроен. Это такой общий ответ, за скобками. Это раз. Теперь, если говорить о философских интересах, то я бы так сказал, что сначала у меня, конечно, превалировали нефилософские интересы.

Смирнов С. А.: Предметные?

Розин В. М.: Да. Превалировали те задачи, которые передо мной ставились. Например, когда я познакомился со Щедровицким, пришёл на семинар и связал свою жизнь с ним, то передо мной поставили довольно сложную проблему, а именно: объяснить происхождение математики. Ничего себе!

Смирнов С. А.: Ничего себе! Действительно.

Розин В. М.: И я честно взялся её решать. И моя кандидатская была связана с этим. Сейчас Петр Щедровицкий хочет её снова переиздать.

Смирнов С. А.: А этот кусок работы в «Педагогике и логике» был?

Розин В. М.: Да-да-да.

Смирнов С. А.: С Москаевой вместе? Правильно?

Розин В. М.: Нет, это чисто моя работа.

Смирнов С. А.: Она вошла туда?

Розин В. М.: Нет.

Смирнов С. А.: В «Педагогику и логику» она не вошла.

Розин В. М.: Нет, там у неё есть работа.

Смирнов С. А.: Кусочек есть.

Розин В. М.: Есть, да, но это не связано. Значит, это была первая проблема, которая передо мной стояла. И я дальше пошёл по этой линии. И в течение многих лет я эту проблему решал. В общем, там были тупики, находки и так далее. Но когда я, в общем, уже считал, что я сделал эту работу и опубликовал частично результаты, то я не потерял интерес к исследованию науки. Я дальше сам уже, безотносительно к Щедровицкому, поставил для себя задачу объяснить происхождение естествознания. А дальше – гуманитарные науки.

Смирнов С. А.: А дальше нарастает: гуманитарные...

Розин В. М.: Первая, одна из линий, она была связана с философским осмыслением науки, попытками реконструировать становление науки.

Смирнов С. А.: Именно генезис её.

Розин В. М.: Да, генезис науки и различие разных типов наук. И эту работу я делаю до сих пор.

Смирнов С. А.: Да?

Розин В. М.: Да, это на всю жизнь осталось. Это был первый интерес. Второй, философский, так скажем, интерес, был осознан, как ни странно, еще в 1960-е годы. Я заинтересовался (может быть, уже под влиянием гуманитарных занятий), сновидениями. Я помню, что первая концепция сновидений, которая у меня была, появилась где-то в конце 1960-х годов. Помню, как Щедровицкий к этому отнёсся...

Смирнов С. А.: Для него это полная ерунда.

Розин В. М.: Да, не занимайся ерундой. А вот, например, Виталий Дубровский, поддержал мой интерес.

Смирнов С. А.: Он-то да.

Розин В. М.: Он как раз поддержал этот мой интерес. Поэтому вторая линия – это осмысление того, как человек устроен, как устроена его психика. Причем, это началось с интереса (как у Фрейда, кстати) к сновидениям. Но дальше он у меня постоянно расширялся. Тем более, я познакомился с психологами, с Андреем Андреевичем Пузыреем¹². На мои семинары в Институте имени Гнезисных ходила Аида Айламазян, она была аспиранткой кафедры общей психологии МГУ. И мы устроили психологический семинар. Сначала у Аиды дома, а потом – на факультете психологии в МГУ.

Смирнов С. А.: В МГУ, где Пузырей работал, да?

Розин В. М.: Да. И у меня пошла вторая линия. Она была связана именно с попытками понять, как устроен человек.

Смирнов С. А.: Ну, Вы с этим разбирались как философ, методолог.

Розин В. М.: Да. Именно эта линия привела меня к знакомству в более расширенном варианте с антропологической проблематикой.

Смирнов С. А.: Конечно. Да.

Розин В. М.: Я тебе книгу подарил¹³. Там проблематика личности, эта вся линия, меня сильно завлекла. Причем оказалось, что этот интерес является не просто интересом к отдельной сфере, но он мне помог понять развитие этой сферы, то, как формировалась наука, культура и так далее. Но как раз в это время (когда я искал свой путь, уйдя от Щедровицкого), начала быстро развиваться культурология. И я вдруг понял, что обращение к культурологии помогает изменить взгляд и на историю. Потому что тот взгляд на историю, который я получил в Московском методологическом кружке, взгляд на историю по Марксу, предполагал её понимание как непрерывной линии развития.

Смирнов С. А.: Как естественноисторический процесс.

Розин В. М.: Да, как естественноисторический процесс. А культурология заставляла по-другому взглянуть на историю – как на дискретный процесс.

Смирнов С. А.: В категориях событийности?

Розин В. М.: Как на дискретно-событийную область, которая кардинально менялась. И это сразу обогатило весь генезис, весь анализ. Это третья область. Это область культурологии. А четвертая область...

¹² Пузырей Андрей Андреевич (род. в 1947 г.) – отечественный психолог, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, автор первой в России монографии о культурно-исторической психологии Выготского (1986 г.).

¹³ Розин В. М. Личность автора в жизни и в искусстве. Культурно-исторические этюды. М.: ЛЕНАНД. 2019. 216 с.

Смирнов С. А.: И есть еще философия техники.

Розин В. М.: Подожди. До этого дойдём.

Смирнов С. А.: Это потом разве? Это же тоже давно было?

Розин В. М.: Нет-нет-нет. Это ещё созревало только. Ещё одной линией здесь была следующая. Так как моя супруга в 1960-е годы стала увлекаться эзотеризмом, она пошла в группу, тогда это была первая волна эзотеризма. Стали приезжать люди, привозить литературу.

Смирнов С. А.: Москаева увлекалась эзотеризмом?

Розин В. М.: Да-да-да.

Смирнов С. А.: Уйдя из математики, арифметики, пошла в эзотерику?

Розин В. М.: Да, занимаясь методологией. Она ушла туда. Это заставило меня серьёзно начать смотреть на то, что же такое эзотеризм? Появилась ещё одна линия. Причём очень серьёзная. Потому что эзотерические учения абсолютно не были похожи ни на какую рациональную традицию.

Смирнов С. А.: Конечно. Как методологически подойти к эзотерике, как её разложить?

Розин В. М.: Я лет пять искал ключи к ней. И через пять лет примерно, это уже был 1981 год, я такие ключи нашёл и объявил семинар для проверки. Я заявил семинар, который работал 1982-1983 год, где я стал рассказывать последовательно эзотерические доктрины, но уже в своей реконструкции. Это был домашний семинар. В то время могли за это дело вообще и посадить, как в Томске одного моего приятеля.

Смирнов С. А.: Вообще-то, да. Оккультизм какой-то тайный, тайное общество.

Розин В. М.: Да. Конечно, мы не знали, чем это могло закончиться. Но, тем не менее, обошлось. И я на этом семинаре изложил последовательно эти эзотерические доктрины. Слушатели попросили меня записать этот текст. Я написал первый вариант своей будущей книги по эзотерике, который ходил сначала в самиздатовском варианте. Я помню, как-то я с одним приятелем, он из Одессы был, разговорился. Он говорит: «Вадим Маркович, а мне на ночь дали Ваш труд почитать». Напечатали мы эти лекции на папиросной бумаге. Потому что тогда считалось, что если напечатано на пишущей машинке, то не самиздат, а если ротапринт, то криминал.

Смирнов С. А.: Да, да, да.

Розин В. М.: И чтобы поменьше объём был. Хотя кто его знает.

Смирнов С. А.: Вот именно.

Розин В. М.: В общем, такие четыре томика синеньких, переплетённых были. По-моему, что-то 17 экземпляров я всего раздал.

Смирнов С. А.: И у Вас дома даже не осталось?

Розин В. М.: Дома?

Смирнов С. А.: На память-то потомкам.

Розин В. М.: Ну, не помню.

Смирнов С. А.: Как кандидатская Зиновьева на папиросной бумаге.

Розин В. М.: Да её издали не так давно¹⁴.

Смирнов С. А.: Ну, это другое дело. А Ваши эзотерические лекции когда издали?

¹⁴ Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 321 с.

Розин В. М.: Первое издание «Путешествие в страну эзотерической реальности» вышло в 1996 году, второе, «Эзотерический мир», кажется, в 2002. Так вот, короче говоря, это ещё одна линия была. И, кстати, когда началась перестройка, это 1996-й год уже, в театре «На досках», где главный был...

Смирнов С. А.: С. Кургинян.

Розин В. М.: Да, Кургинян. Тогда он ещё не был политологом.

Смирнов С. А.: Да, тогда он не ушел ещё в политологию. Хороший был театр у него, кстати.

Розин В. М.: И там были лекции.

Смирнов С. А.: Да, да, он совмещал спектакли, лекции, дискуссии.

Розин В. М.: Да. И был объявлен мой цикл лекций по эзотерике, на которых я впервые после революции публично излагал эзотерические концепции. Это было, кстати, платно. Всегда был полный зал.

Смирнов С. А.: Так всё же интересовались этим.

Розин В. М.: Вот. Значит, это ещё одна линия. И ещё одна линия, действительно, связана с моим учеником, к сожалению, трагически недавно умершим, Гороховым Виталием¹⁵. Мы стали исследовать технические науки. Вначале ходили к Щедровицкому. Проводили такой микросеминар на троих: я, Горохов и Щедровицкий. Обсуждали технические науки, природу технического знания. А отсюда, действительно, когда уже в Институт философии пришел Горохов, то, пошёл туда и я. Почему он пошёл? Потому что туда Вячеслав Степин пришёл, его друг. Степин стал директором Института философии, а до этого работал в Институте истории ...

Смирнов С. А.: В Институте истории естествознания и техники.

Розин В. М.: Да. А когда началась перестройка, ему предложили стать директором Института философии. И он увёл за собой многих из института истории естествознания и техники, например, Пиаму Гайдено, Александра Огурцова. И предложил перейти в Институт философии также Горохову. А Горохов мне сказал: «Если ты пойдешь, то пойду и я, пойдём вместе». И мы пошли и создали уже в Институте философии сектор философии техники.

Смирнов С. А.: С этим Вы и пришли в Институт философии?

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: Это какой год примерно?

Розин В. М.: Это 1997-1998, вот эти годы. Конец 1990-х. И это ещё одна линия началась, соответственно, линия интереса к философии техники. Но при этом продолжался мой интерес, связанный с исследованиями проблем науки, но уже и философии науки. А так как я начал ещё преподавать, когда пришёл в Институт философии, я уже стал интенсивно преподавать, в том числе, и философию, то у меня возникла ещё одна линия – линия, связанная с исследованием философии и её становления. Философия, её становление, связь с методологией, кстати.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Появилась ещё одна линия, ответвление. Но была ещё одна линия. Я сейчас приехал с конференции по восстановительному правосудию.

Смирнов С. А.: А-а.

¹⁵ Горохов Виталий Георгиевич (1947 – 2016 г.г.), отечественный философ. Специалист по философии и методологии науки и техники.

Розин В. М.: А это целое движение восстановительного правосудия, которое у нас в стране развивается. И её завела тоже методолог.

Смирнов С. А.: Карнозова.

Розин В. М.: Да, Карнозова Людмила.

Смирнов С. А.: Она ювенальной юстицией занималась давно уже.

Розин В. М.: Да. Она работала в Институте государства и права. И когда восстанавливали суд присяжных, она меня затащила в эту сферу – философии права. Именно она, это её была инициатива. И я лет пять сначала просто погружался в эту область. Потому что я абсолютно к этому был не готов. Но где-то через пять лет я начал уже сам писать и, в конце концов, у меня вышло несколько книг: «Юридическое мышление» (два издания было), «Генезис права». А буквально два года тому назад переиздали, с добавлениями, книгу «Философия права». Вот. Это еще, значит, появилась одна линия – философия права. Но тоже в методологическом, конечно, ключе. Вот это, наверное, основные линии я тебе перечислил.

Смирнов С. А.: Это сильно. Формируется такой многосферный круг, со сложной траекторией.

Розин В. М.: Да. И ещё два слова. Конечно, в моём интересе и движении в рамках философии большую роль сыграла полемика со Щедровицким. Потому что он-то по-другому это всё видел.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: А я это начал видеть иначе, чем он. С точки зрения культурологии, семиотики, гуманитарного подхода. Это раз. А, во-вторых, я, в конце концов, оказался среди философов.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Это тоже своя среда, свой философский цех, свои темы. И плюс преподавание философии. Вот это всё и определило такой разброс и тематику.

Смирнов С. А.: Хотя, казалось бы, сам Георгий Петрович тоже своей методологией пытался охватывать всё новые предметные области.

Розин В. М.: Конечно.

Смирнов С. А.: Ход-то именно такой был. И это и происходило.

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: А Вы пошли своим путём и тоже делали это же самое, но по-своему. И это понятно. Но я всё равно не понимаю, почему, если человек такой умный, гений и так далее, почему ему не хватает мудрости любить ученика и поддерживать его всю жизнь, а не отталкивать его? Если ты такой умный, будь мудрым, терпеливым. Почему не радуешься за ученика? Но, как и Фрейд, так и Щедровицкий, они все отталкивали учеников. Зиновьев вообще никого не ставил ни во что и говорил: «Государство – это я». Но тогда, пардон, это личностная драма. Это дефицит чего? Он же как человек-то живой, вообще-то говоря, богатый личностно, Щедровицкий. Он же не просто интеллектual узколобый. Как Вы думаете? Потому что эта же ситуация повторяется потом и в учениках. Они повторяют эту же стратегию своего учителя и отторгают своих учеников. Просто повторяют тот же сценарий. Но тогда, извините, если вы такие умные, то что же вы делаете? А где тогда проблема научной школы, философской школы, как традицию сохранять и так далее?

Розин В. М.: Мне вопрос твой понятен. Но вряд ли я на него отвечу.

Смирнов С. А.: Ответа нет? Ну, хотя бы версию?

Розин В. М.: Поразмышлять я могу некоторым образом. Дело в том, что тут, конечно, сказался, как мне кажется, некий дефект в плане гуманитарной и общей личностной культуры.

Смирнов С. А.: Да?

Розин В. М.: Мне так кажется.

Смирнов С. А.: Да, может быть.

Розин В. М.: Он, конечно, как философ и как сциентист, был на высоте и очень силён. Но тут, чтобы понять это, надо читать вот эту книгу ещё и ещё раз.

Смирнов С. А.: «Я всегда был идеалистом».

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: Замечательная.

Розин В. М.: Книга потрясающая.

Смирнов С. А.: Потрясающая. Просто замечательная.

Розин В. М.: И там видно, в чём дело. Потому что он всё-таки рос в семье технократической.

Смирнов С. А.: Да. Инженер-отец¹⁶. Советская техническая интеллигенция.

Розин В. М.: И не просто техническая интеллигенция, а такая интеллигенция, которая как бы не то что управляла, но...

Смирнов С. А.: Но она была приближена к власти имущим.

Розин В. М.: Она была приближённой. И в этом смысле он чувствовал вот эту высоту, он чувствовал принадлежность к интеллектуальной элите. Он был представителем интеллектуальной элиты. Это, во-первых. Во-вторых, в одном месте он говорит: «Я никогда не признавал сопротивление материала. Я всегда говорил: это только покамест». И для него вот эта технократическая, организационная составляющая, недаром он потом написал «ОРУ»¹⁷, была важнейшей. Недаром. Вот эта технократическая организационно-управленческая установка была очень органична и очень сильна в нём.

Когда на Новой Утке был семинар, и мы уже с ним к тому времени разошлись, но ребята меня пригласили отдельно, и он там вёл семинар, мы с ним столкнулись. И когда мы столкнулись, вокруг нас сразу же собрался народ. И был такой разговор. Он мне сказал: «У меня задача: я должен создать коллектив. А вот вы, интеллигенция гнилая, вместо того, чтобы идти...»

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Это так же, как ему Мамардашвили говорил.

Смирнов С. А.: Да, да, да: «Я не люблю, когда меня строят».

Розин В. М.: Да. Но у него была такая идея, что он должен, он имеет миссию восстановления этой интеллигенции, интеллектуалов.

Смирнов С. А.: Интеллектуалов, да.

Розин В. М.: А метод – это, конечно, организация, это создание команды, школы и так далее. И он эту идею реализовал. Ещё один интересный момент. Несмотря на то, что он был яркой личностью, он же третировал всегда сам феномен личности. Он всё время говорил, что личность – это ерунда.

¹⁶ Щедровицкий Петр Георгиевич (1899 – 1972 г.г.). Один из создателей авиационной промышленности в СССР. Был директором Оргавиапрома (Национальный институт авиационных технологий), лауреат Сталинской премии.

¹⁷ Щедровицкий Г.П. Организация, руководство, управление. Кн. 1, 2. Оргуправленческое мышление. Методология и философия оргуправленческой деятельности. М.: 2003.

Смирнов С. А.: Да. Брехня это всё, говорил.

Розин В. М.: И даже в мышлении, говорил он, не я мыслю, а мыслит мышление.

Смирнов С. А.: Да, мышление на него село, как он говорил. Да.

Розин В. М.: Это очень важный момент.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Поэтому он себя ощущал таким миссионером от мышления, от элиты верхней. Здесь, действительно, недостаток, я считаю, гуманитарной культуры. И, конечно, когда вдруг получалось, что всё не так, потому что вроде бы он всё это организует, а потом от него люди-то уходят, причём самые лучшие...

Смирнов С. А.: Именно.

Розин В. М.: Да. Тут очень характерен один эпизод. Когда после моей защиты мы собрались у меня на квартире, он сказал: «Я спать не могу – вы всё делаете не так».

Смирнов С. А.: Бедный. Не по его лекалам.

Розин В. М.: Да, не по его лекалам.

Смирнов С. А.: Так и радуйся за учеников, что они мыслить начали самостоятельно.

Розин В. М.: Не так всё делают.

Смирнов С. А.: Не так мыслят, неправильно.

Розин В. М.: Не туда идут.

Смирнов С. А.: Чёрт возьми. Удивительно.

Розин В. М.: Поэтому это трагедия.

Смирнов С. А.: Это трагедия.

Розин В. М.: Это настоящая трагедия.

Смирнов С. А.: Потому что, если бы он работал в иной, событийной парадигме...

Розин В. М.: Но может, тогда бы и не сделал столько.

Смирнов С. А.: Да, может. То он бы признал: вот событие – мышление произошло. Радуйся за ученика.

Розин В. М.: Нет, нет. У него другая позиция.

Смирнов С. А.: У него была драма.

Розин В. М.: У меня, кстати, тоже интересная история. Был у меня аспирант Вадим Беляев, учился у меня, защитил диссертацию в нашем институте. Он уже много написал книг. Так вот, он начал с критики моих работ.

Смирнов С. А.: А-а. Ну, это же интересно. Это жутко интересно. Он показывает Вам зеркало...

Розин В. М.: Мне это интересно. Во-первых, он излагает меня.

Смирнов С. А.: Да. Это же очень интересно. Кого это мне показывает?

Розин В. М.: Во-вторых, он заставляет меня дальше двигаться.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Поэтому я рассматриваю его критику своих работ как стимул. А Юра не мог это сделать.

Смирнов С. А.: Он не мог.

Розин В. М.: Хотя ему всё время нужны были тоже оппоненты.

Смирнов С. А.: Ему же энергетика-то тоже нужна была, она рождалась от споров.

Розин В. М.: Это, конечно, личностное, очень личностное, глубинное. Это личность такая, талантливая и трагическая отчасти.

Смирнов С. А.: Генисаретский вспоминал: «Когда я пришёл на этот семинар, на меня пахнуло энергией, она прошла сквозь меня, я был заморожен». Чувствовалась энергетика?

Розин В. М.: Безусловно. Притом он создавал поле, не просто энергетическое. Энергетическое – тоже. Но это было поле, которое тебя приобщало к высшей реальности.

Смирнов С. А.: Да, да, да. Я это тоже ощутил, его энергетику. Когда он к нам приезжал. Читал лекции в НГУ. Он входил в аудиторию – и от него буквально веяло энергией...

Розин В. М.: Ты начинаешь ощущать, да...

Смирнов С. А.: Это же почти эзотерика. Там еще чуть-чуть – и мы попадём в тайное общество. Фактически на личностном уровне так и произошло.

Розин В. М.: А у меня и было в «Кентавре» опубликовано.

Смирнов С. А.: У Гены Копылова ещё тогда?

Розин В. М.: У Гены, да. Статья, где я так и показываю, что это сообщество такое, особое... Героический период я имею в виду, в 1960-е годы. Это было эзотерическое сообщество. И что Щедровицкий – эзотерик. И у него содержание – это мышление и его высшие формы. Поэтому я так и считаю. Я и давал такую версию. Есть такая статья.

Смирнов С. А.: Просто тогда это переживалось, а потом задним числом Вы стали понимать, что же произошло. Это же трудно было объяснить в те годы.

Розин В. М.: Да, но это я уже свои эзотерические исследования использовал. И я, например, так и считаю, что героический период ММК – это эзотерическое сообщество. Мы, конечно, были заражены.

Смирнов С. А.: С чем, конечно, категорически не согласны более молодые методологи типа С. В. Попова, Петра Щедровицкого, Ю. В. Громыко. Они совсем по-другому воспринимают историю ММК.

Розин В. М.: Да. Но, понимаешь, в чём дело? Тут они тоже личности большие.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Но я бы так сказал. Если Георгий Петрович всё-таки был действительно идеалист и он жил мышлением, в нём жил дух...

Смирнов С. А.: Да, да.

Розин В. М.: ... то его ученики все, хотя достаточно интеллектуальные и умные, в этом им не откажешь, и хорошие организаторы, но в них уже была доля цинизма.

Смирнов С. А.: Этот меркантильный интерес?

Розин В. М.: Цинизма и меркантилизма.

Смирнов С. А.: Да. Они хотели быстро монетизировать свои компетенции.

Розин В. М.: Я тебе расскажу эпизод, который, может быть, не стоит включать, но он характерный.

Смирнов С. А.: Посмотрим.

Розин В. М.: Да. Когда Петру было 40 лет, он устроил большое собрание. И потом он обходил столы, подошёл ко мне, обнял меня и сказал: «Всё прекрасно. Но у меня тут как бы две вещи. А почему ты на меня не ссылаешься?».

Смирнов С. А.: Вот. Это у него больное место. Он и мне это говорил.

Розин В. М.: Да? По сути, а чего ссылаться? Тогда ещё не было даже, на что ссылаться.

Смирнов С. А.: Вот именно. На что ссылаться-то?

Розин В. М.: Да. А второе – он сказал мне: «Я методолог, который больше всех зарабатывает».

Смирнов С. А.: Вот. Это у него критерий – капитализация.

Розин В. М.: А Сергей Попов ещё более циничен. Он говорил: главное – это деньги, главное – это власть. Он это, может, и не говорил, но это звучало. И манипулирование.

Смирнов С. А.: Не гнушался.

Розин В. М.: Нет, конечно.

Смирнов С. А.: Нормально всё. Да.

Розин В. М.: Манипулирование людьми.

Смирнов С. А.: В этом смысле Ю. В. Громыко более такой идейный.

Розин В. М.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: Его интересовала идея, наверное, а потом уже всё остальное.

Розин В. М.: Да. Вот. Не знаю. Все люди живые и у каждого свои слабости и претензии.

Смирнов С. А.: Бог с ними. Меня-то интересуют всё-таки основатели. И в этом смысле Вы же общались в то первое героическое время и с другими основателями, диастанкурами.

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: Но среди этих людей... Вы же их видели?

Розин В. М.: Ну да.

Смирнов С. А.: Они же тоже все были обаятельны: Ильенков, Мераб, Зиновьев – они же все вождили. Нет? И тут ещё Георгий Петрович. Но Вас взял он. Или это как бы синдром первого знакомства? Или как? Вы же всё равно их видели в разных ипостасях, слушали. На лекции Мераба ходили?

Розин В. М.: Нет.

Смирнов С. А.: На его московские знаменитые лекции...

Розин В. М.: Да, я знаю. Во-первых, действительно, когда я познакомился со Щедровицким, то я сразу же включился в работу. И это всё определило. Это раз. Во-вторых, тогда, вначале, Юра был очень демократичным. Он тогда и не был таким мэтром, и за ним не было движения. И в этом смысле он был очень демократичный и даже товарищ. Он был старший товарищ для меня. Он не только был учителем. Да, он был и учитель, но он был и старший товарищ.

Смирнов С. А.: И он учил мыслить реально.

Розин В. М.: Да. И он учил меня мыслить, он показывал это. Черты тоталитарного стиля в каком-то смысле в нём проявились потом, а у меня ещё своего-то не было содержания, понимаешь, поэтому меня это всё очень устраивало. К тому же, на семинаре-то тоже были все люди очень даже достойные.

Смирнов С. А.: Конечно.

Розин В. М.: И поэтому меня это полностью удовлетворило. Это раз. Во-вторых, я действительно не ходил на Мераба. И к тому времени, когда я стал интересоваться его работами, читать их, я уже был сформирован. Я уже был сформирован в методологическом плане.

Смирнов С. А.: Вы сознательно не ходили. А как собеседник он Вам был не интересен?

Розин В. М.: Нет. Не было времени.

Смирнов С. А.: И времени не было.

Розин В. М.: Да. А когда я читал его работы, то он уже был феноменолог. А я был методолог совершенно другого направления.

Смирнов С. А.: Да. Это уже Вас как бы не совсем устраивало.

Розин В. М.: Да. И поэтому я стал, скорее, выяснять, а что же такое феноменология. И у меня в «Вопросах философии» была статья «Феноменология глазами методолога».

Смирнов С. А.: Ага.

Розин В. М.: Я уже не мог пойти к нему вот так. Хотя я, конечно, знал и Пузырея, и его последователей.

Смирнов С. А.: Пузырей любил и того, и другого: и ГП, и Мераба.

Розин В. М.: Да. Так что с Мерабом вот такая история. Хотя мы с ним были дружны, с Мерабом, в общем, как-то. Ну, как дружны? Всё-таки он...

Смирнов С. А.: Ну, понятно, он и постарше.

Розин В. М.: Да, и постарше. Но, тем не менее, я ему какие-то свои книжки давал. И буквально за четыре дня до смерти он приехал в Институт философии, он тогда работал в Институте, он поднимался по лестнице, а я выходил. Я увидел его и говорю: «Мераб, я вот хочу тебе книгу свою подарить». Он говорит: «Ладно». Но я уезжал. А когда я вернулся, мне сказали, что Мераб умер.

Смирнов С. А.: Да, он неожиданно умер, в аэропорту, в ожидании самолета...

Розин В. М.: Поэтому с Мерабом и не могло получиться.

Смирнов С. А.: Не могло.

Розин В. М.: Да. А кто ещё, кого ты назвал?

Смирнов С. А.: Ильенкова назвал.

Розин В. М.: А Ильенкова я вообще не знал. Я его видел так, шапочно, несколько раз. Но я его не знал.

Смирнов С. А.: И не пересекались?

Розин В. М.: Не пересекались, да.

Смирнов С. А.: А с Зиновьевым?

Розин В. М.: А с Зиновьевым – тем более. Он всегда держался особняком

Смирнов С. А.: И после возвращения его в 1999 г. из Германии? Он же приехал и продолжал тут...

Розин В. М.: Нет, нет, нет. С Зиновьевым нет.

Смирнов С. А.: А. А. Гусейнов его приютил на кафедре этики в МГУ.

Розин В. М.: Нет. Зиновьев к себе и не подпускал людей, в общем-то.

Смирнов С. А.: Не подпускал. А как Вам его работы, тексты? Они представляют для Вас интерес? Это же заявление новой социологии, метасоциологии. Его романы знаменитые.

Розин В. М.: А ты не читал мой текст по поводу Зиновьева? Нет?

Смирнов С. А.: Нет, не читал.

Розин В. М.: У меня очень критическая статья есть по поводу Зиновьева.

Смирнов С. А.: Это интересно.

Розин В. М.: С разбором этих вещей.

Смирнов С. А.: Вот, вот. Так.

Розин В. М.: Когда я уже стал серьезно смотреть Зиновьева, то я уже подошёл к этому точно так же, как я подходил к любому другому мыслителю.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: С таким жестким анализом. Но, к сожалению, это был уже поздний Зиновьев.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Может быть, уже не совсем...

Смирнов С. А.: Не совсем адекватный?

Розин В. М.: Не совсем здоровый. Из этой работы видно... Но, тем не менее, я там пытался понять его заход, и он, конечно, меня совершенно не устраивает.

Смирнов С. А.: Не устраивает.

Розин В. М.: Не устраивает. Но я тебе эту работу просто дам, и ты посмотришь.

Смирнов С. А.: Она опубликована?

Розин В. М.: Да, она опубликована.

Смирнов С. А.: Пришлете.

Розин В. М.: Она опубликована, по-моему, в «Философских науках». И это, по-моему, единственная работа с жесткой критикой Зиновьева и с попыткой тоже его жизненный путь понять.

Смирнов С. А.: Да. Потому что как раз аналитики-то не хватает. Либо хвалят, либо ругают...

Розин В. М.: Это одна из немногих аналитических работ, в которой делается попытка понять его подход и жизненный путь.

Смирнов С. А.: Да. Это хорошо. Тогда что получается? Тогда вопрос, вообще-то говоря, не имеет смысла: кто Вы больше – методолог или философ? Потому что Вы как бы два в одном, да ещё и психолог, и исследователь. И это просто три разных позиции, разных фокуса в одном, так сказать, в поле личности, что называется. И разделять это в принципе невозможно. Тем более, в вашем случае.

Розин В. М.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: И это, наоборот, обогащает.

Розин В. М.: Да, это меня обогащает.

Смирнов С. А.: Дополнительное видение задает.

Розин В. М.: Я свои исследования по истории науки привношу в методологию. Методологические исследования использую при анализе науки, при анализе философии и так далее. Хотя тут есть одна тонкость, я сразу хочу сказать. Вот у меня есть приятельница Светлана Сергеевна Неретина.

Смирнов С. А.: Это замечательный автор. Супруга А. П. Огурцова. Вдова теперь.

Розин В. М.: Это крупнейший философ.

Смирнов С. А.: Их фундаментальные трактаты, «Реабилитация вещи», 3-томник Огурцова по истории науки XX века и так далее...

Розин В. М.: Я думаю, мы с ней друзья.

Смирнов С. А.: Совершенно шикарно, да.

Розин В. М.: Но когда я читаю её работы, я восхищаюсь. Потому что она – носитель подлинно философского дискурса, я считаю.

Смирнов С. А.: Того самого, хорошего, добротного, классического.

Розин В. М.: Да. Плюс, еще обогащенного культурологией.

Смирнов С. А.: Материал богатейший, да.

Розин В. М.: Но, тем не менее, при сравнении её дискурса и моего возникает колоссальная разница.

Смирнов С. А.: Ей не хватает методологии?

Розин В. М.: Не то, что не хватает. У нее своя методология.

Смирнов С. А.: Кстати, это отдельная проблема – были ведь разные методологии.

Розин В. М.: Но, во всяком случае, сравнение этих двух дискурсов очень любопытно. Потому что мой дискурс сформировался под большим влиянием Московского методологического кружка, а уж затем он обогащался гуманитарным подходом, культурологией. А её дискурс совершенно другой. Потому что за ней Владимир Соломонович Библер¹⁸ и М. Я. Гефтер¹⁹. То есть две мощные традиции. Кстати, что интересно. Традиция Неретиной тоже связана с анализом текстов, культуры, строгим дискурсом, с культурно-историческими реконструкциями. Я бы сказал, они где-то дополнительные, а где-то очень различаются.

Смирнов С. А.: А вот чем они отличаются?

Розин В. М.: Ой. Трудно.

Смирнов С. А.: Я согласен. Я к тому, что действительно и методологии науки были тоже ведь разные: П. П. Гайденко, В. С. Степин, В. Н. Садовский – они ведь тоже выстраивали свою линию методологии науки, отличную от Щедровицкого. Совсем другую.

Розин В. М.: Другую, да. Но я ведь давно доказываю, что в методологии существуют разные парадигмы. Я, в отличие от Георгия Петровича, который считал, что единственная методология – это только тот вариант, который он отстаивает и который я обозвал потом панметодологией, я считаю, что в методологии есть разные парадигмы, разные школы. И слава Богу. Потому что они друг друга обогащают. Например, я широко использую работы Светланы Сергеевны Неретиной. И она мои работы, надеюсь, читает.

Смирнов С. А.: Конечно. Да.

Розин В. М.: Замечательный человек и крупнейший философ, я считаю.

Смирнов С. А.: По-моему, она тоже пережила какой-то период замалчивания и каких-то не то чтобы гонений из-за работ по проблеме концептуализма. Я не помню. Что-то было такое. Не буду врать.

Розин В. М.: Она же ещё помогала диссидентам.

Смирнов С. А.: А, вот это еще было.

Розин В. М.: Да. И это тоже была проблема, да.

Смирнов С. А.: А теперь про современное поле исследователей. Вот Неретина. Хорошо. А есть же разные другие психологи, другие философы, которые тоже занимаются той же проблематикой. Например, антропологией. Вот, например, С. С. Хоружий и др. Как здесь отношения складываются? Каждый сам по себе или всё-таки есть какая-то содержательная коммуникация, какое-то поле мнений? Всё-таки все в одном институте фактически.

Розин В. М.: Понимаешь в чём дело. Да, я понимаю твой вопрос. Но я так скажу. Одна из детерминант философского мышления состоит в том, что это личностное решение общекультурных проблем.

¹⁸ Библер Владимир Соломонович (1918 – 2000 г. г.) – отечественный философ, методолог науки. Автор концепции философии диалога культур и педагогической концепции «Школа диалога культур». Основал собственный домашний семинар с сер. 1960-х годов. Его участники – С. С. Неретина, В. А. Ахутин, В. Л. Рабинович, Л. М. Баткин и др.

¹⁹ Гефтер Михаил Яковлевич (1918 – 1995 г. г.) – отечественный историк, философ, публицист. Разработал авторскую концепцию философии истории.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: А если это личностное решение, если всё-таки каждый крупный философ, я считаю, значимый философ, даёт своё решение, то это нормально.

Смирнов С. А.: Нормально.

Розин В. М.: Нормально, что мы имеем разные варианты философии, разные личностные варианты.

Смирнов С. А.: Решения рамочной проблемы.

Розин В. М.: Другой вопрос – коммуникации. Коммуникации в этом поле. Потому что это всё-таки общефилософский цех. И как общефилософский цех он, с одной стороны, сохраняется в плане культурно-историческом. Мы все обсуждаем Платона, Аристотеля, Канта и так далее. И особенность философского мышления состоит в том, что всегда есть отношение с другим философом.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И не просто отношения, приходится вырабатывать свой подход, позиционируя себя относительно других философов. Я себя позиционирую относительно Платона, относительно Аристотеля, относительно Френсиса Бэкона, относительно Щедровицкого.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Хотя я его ученик, но я очень много сил потратил на это позиционирование.

Смирнов С. А.: Ага.

Розин В. М.: Поэтому в этом смысле это тоже нормально. Нормально позиционирование одних философов с другими и полемика. И, наконец, третий аспект. Так как это всё равно цех философский, единый, мы, конечно, в той или иной мере, читаем работы друг друга и что-то там, конечно, заимствуем, используем и берём. По отношению к Неретиной, я вообще очень широко опираюсь на её работы. Но я понимаю, что, например, несмотря на то, что я совершенно не сторонник синергийной антропологии, но те вещи, которые, например, Хоружий сделал по поводу Фуко с анализом практик себя, то я это признаю, и беру, и использовал, и цитировал его. В этом смысле я бы так сказал: Современное сообщество философов – это всё-таки уже достаточно продвинутое культурное сообщество. Это уже не то, что было в 1950-е годы, когда...

Смирнов С. А.: Когда надо было формировать, собирать по крупицам.

Розин В. М.: Да, собирать. И мы не были приобщены к западной философии.

Смирнов С. А.: Да, и были отлучены.

Розин В. М.: Сегодня, в общем, ведущие философы российские, они все приобщены к мировой философии и имеют высокий уровень культуры. Вот, например, позавчера был семинар у нас в институте. Обсуждали книгу трёх авторов по поводу философской антропологии Андрея Платонова. Авторы С. С. Неретина, С. А. Никольский и В. Н. Порус²⁰.

Смирнов С. А.: Да, знаю.

Розин В. М.: Так вот это работа высокого уровня. Это действительно глубокий анализ. Это работа, которой может позавидовать западная философия. Три крупных автора, носители высокой философской культуры.

Смирнов С. А.: Да.

²⁰ Неретина С.С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. М.: ИФ РАН. 2019. 236 с.

Розин В. М.: И я бы сказал, и методологической культуры, с хорошей методологической культурой. Вот такая работа. Это просто как пример тебе.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И я писал, например, по заказу журнала «Философские науки» когда было, 70 лет Институту философии, например, об Огурцове и Неретиной как о философах мирового уровня. Или о Гайденко, например.

Смирнов С. А.: Да, Гайденко. Конечно.

Розин В. М.: Я считаю, у нас хорошее сообщество, сильное.

Смирнов С. А.: Да, конечно, конечно. Ну, а тогда в связи с чем у Вас возник интерес к Мишелю Фуко? Он же возник не в связи с Хоружим? Вы же этим занимались самостоятельно.

Розин В. М.: Нет, интерес к Мишелю Фуко возник ещё в конце 1960-х годов. Потому что мы начали обсуждать его работы.

Смирнов С. А.: «Слова и вещи», его понятие эпистемы? Это же близко к методологии, да.

Розин В. М.: Да-да-да. «Слова и вещи», да. Мы начали их обсуждать. Потом вышла книга Светы Табачниковой, жены Пузыря.

Смирнов С. А.: Да, знаю.

Розин В. М.: И я эту книгу, «Воля к истине»²¹, получил, конечно. По сути, Фуко близок к методологии.

Смирнов С. А.: Да, у него же методологический подход.

Розин В. М.: Это и влияние марксизма, и современный дискурс, достаточно строгий, и связь: власть – дискурс – текст. Всё это у него хорошо завязано. И интерес, кстати, у позднего Фуко к субъективности.

Смирнов С. А.: Да, особенно поздний Фуко. Его «практики себя» – это особый проект.

Розин В. М.: Конечно, это очень важная линия для меня: субъективность, личность. Кстати, если говорить о моём интересе к философии, то я одной из своих заслуг считаю анализ личности, показ того, что, начиная с античности, и философия, и культура развиваются под влиянием личности как нового антропологического типа, а не только коллективного разума.

Смирнов С. А.: Хорошо. Вадим Маркович, тогда ещё один мостик к другой области – к педагогике, к образованию. Да, Вы этим занимались давно. Но вопрос заключается в том, что в последнее время Вы написали целую серию работ по проблеме субъективности и по проблематике педагогики тьюторства, проблеме выстраивания личностных траекторий и так далее, жизненных траекторий. И с Татьяной Ковалевой Вы это всё обсуждаете. Но, смотрите, это же проблема. Потому что реальная траектория возможна только в реальной жизни. Ни в какой школе траекторию не выстроить. Вы это осмысляете чисто методологически как феномен жизненной траектории или это можно действительно институционализировать, обосновать и даже внедрить? Мне Б. Д. Эльконин говорил: «Вот тьюторы говорят про свои тьюторские дела, но ни одной карты тьютора я ещё не видел».

Но это проблема. Потому что без жизненной траектории личность не состоит, она будет декларацией. Это же нормально: она по шагам развивает-

²¹ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. / Сост., перев., послесловие и комм. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

ся и формируется. А где она формируется? Не в безвоздушном пространстве, а опять в реальной жизни, в реальных антропопрактиках. В каких же живых формах реально выстраивание траектории, если этот бедный ученик полжизни в школе? И где там у него навигации могут быть и траектории? Откуда они там возникнут? А Татьяна Ковалева всё убеждает и пытается это делать. В итоге пытается только частным образом, то есть в центрах развития по заказу родителей. Но не в школе

Розин В. М.: Я бы так сказал. Первый мой ответ. Что, может быть, более важно, это то, что она сумела создать тьюторское сообщество.

Смирнов С. А.: Это – да. Это она молодец.

Розин В. М.: Так же, как Карнозова сумела создать сообщество медиаторов восстановительного правосудия. И вот это очень важно.

Смирнов С. А.: Это важно, да.

Розин В. М.: Чего у нас в стране не хватает? Не хватает сообществ, которые могли бы самостоятельно существовать, и которые бы работали не в русле официальной государственной идеологии. И вот то, что и Татьяна Ковалева, и Людмила Карнозова создали, сумели, причём, это колоссальные усилия, создать такие сообщества, в этом смысле они вырвали целый ряд людей из государственного институционального потока.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Эти люди уже мыслят по-другому. И это есть некоторые ростки, и некоторая, может быть, надежда на то, что когда-нибудь всё-таки по-другому пойдёт дело. Это первый мой ответ. И второй мой ответ. Почему я с удовольствием пошёл к ним, когда меня Татьяна, например, пригласила преподавать для тьюторов? Потому что это очень отличало их вот этой линией анализа личности, которая у меня представлена. Потому что, если я считаю, что развитие культуры и науки связано с личностью, и только взаимодействие личности и сообщества разворачивает историю, то, безусловно, сам этот замысел меня греет. Это раз. Во-вторых, я ещё рассуждаю так, у меня даже статья есть: что я сам есть тьютор сам себя.

Смирнов С. А.: Для начала – да.

Розин В. М.: Потому что я лично выстраиваю свою жизнь сознательно. Другое дело – получается или не получается, получается не так, как задумано, и так далее. Но в моем мировоззрении... Я считаю, что это с Платона началось. С Платона. Не с Сократа, а с Платона по-настоящему. Платон – это уже человек, который пытался себя сознательно строить, и в этом смысле был тьютором себя. И так же я себя строю сознательно. И в этом смысле я считаю, что Щедровицкий не был тьютором самого себя.

Смирнов С. А.: Такое ощущение, что он уже был вылеплен очень рано и монолитом был уже.

Розин В. М.: А это очень важно. Потому что, если ты не просто живёшь, а ты живёшь и стараешься жить правильно, и себя стараешься конституировать (другое дело – получается или не получается то, что ты задумываешь или получается что-то другое), то и возникает новое качество жизни, новая антропология. Другое дело – насколько она распространена, кого она касается. Во всяком случае, для меня это та линия, которая шла, начиная с античности: узким слоем или более широким...

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И третий момент. Безусловно, тьюторское движение или движение восстановительного правосудия, они не вписываются в те институциональные рамки, которые существуют.

Смирнов С. А.: Так.

Розин В. М.: И будут жесткие конфликты, конечно, институционально их будут давить, безусловно. Но, слава Богу, пока им удаётся существовать. Более того, потихоньку они обрастают...

Смирнов С. А.: Обрастают: конференции, сборники...

Розин В. М.: Они – и та, и другая – очень умно разворачивают свои практики.

Смирнов С. А.: Ну, сейчас Ковалеву, слава Богу, приютил И. М. Реморенко в своем МГПУ.

Розин В. М.: Да. Очень умно это делают. А я сегодня как раз делал доклад, где я показывал, что социальное действие очень тесно связано с социальной технологией. И если правильно её строить, социальную технологию, то мы и получаем новую социальную реальность и некоторые новые возможности. Они это делают достаточно грамотно и умно. Поэтому это, на самом деле, очаги новой жизни внутри старой жизни.

Смирнов С. А.: Ага. Вот. Да.

Розин В. М.: Это не гарантировано.

Смирнов С. А.: Такие полигоны.

Розин В. М.: Да, это полигоны, это очаги новой жизни. Ничего не гарантировано, в том плане, что это будет институционализировано полностью или будет только процесс. Нет. Я думаю, что это всё-таки останется как локальная культура или локальная субкультура внутри этой культуры. Но оно работает, оно делает свою работу. Поэтому я считаю, что всячески это надо поддерживать.

Смирнов С. А.: Конечно. Безусловно.

Розин В. М.: Вот у меня такое видение этой ситуации.

Смирнов С. А.: Так. Ну, что? И в завершение. Как вы думаете, Вадим Маркович, а может быть, всё-таки тогда настоящая философская биография начинается, пардон, после ухода носителя мысли? Как, например, Щедровицкий, он же незримо с нами. Бахтин, Хайдеггер...

Розин В. М.: Я же разделил эти вещи, да. Во-первых, всё бывает по-разному. Это всё уникальные вещи.

Смирнов С. А.: Уникальные вещи.

Розин В. М.: Уникальные. Конечно. Философская автобиография – это уникальное событие, уникальная вещь. И как уникальная вещь, она может тоже по-разному строиться. Вот, может быть, то, что я написал эти два романа, с одной стороны, а также, уже второе, по-моему, интервью у тебя.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: А также, может быть, напишу для Юлии Синеокой, меня подтолкнет потом сделать какой-то новый заход... А может быть, и нет. А может быть, после того, как меня не будет, кто-то заинтересуется моей жизнью и напишет исследование. С критикой, кстати. Потому что я же в этом романе ещё разыгрывал такую линию, что Щедровицкий был недоволен тем, как я всё это вижу после его смерти.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Вот это мы уже не знаем, что там будет дальше. Мы уже не знаем. Поэтому это уникальная вещь. Уникальная вещь. Она может по-разному строиться. И если бы это разделили, то я думаю, что и так, и так может быть. Кто-то сподобится и наберётся сил написать свою биографию при жизни. А уж после обязательно напишут другую. Вот в чём дело.

Смирнов С. А.: То есть, Вы всё-таки допускаете, что она возможна. Это не придумки, а это действительно...

Розин В. М.: Конечно.

Смирнов С. А.: Просто это очень сложно.

Розин В. М.: Более того, я считаю, что современный интерес к этому очень большой.

Смирнов С. А.: Большой.

Розин В. М.: Сегодня есть большой интерес. А раз есть запрос, то они потихоньку будут появляться. И это важно в плане самоопределения философского.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Самоопределения философской жизни, самоопределения философа и так далее. Тем более, что количество разных направлений в философии растёт, философия сама находится в некотором кризисе, отчасти. Но это одни говорят кризис, другие говорят, что это не кризис, нормальное развитие. Во всяком случае, действительно сейчас наше время такое, которое требует такой работы.

Смирнов С. А.: Ну, что. Спасибо, Вадим Маркович.

Розин В. М.: Пожалуйста.